

ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ХАРАКТЕР ВЛИЯНИЯ ИНСТИТУТОВ НА ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АГРАРНОЙ СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

© 2012 Т.П. Максимова

кандидат экономических наук, доцент

Московский государственный университет экономики,

статистики и информатики (МЭСИ)

(технический университет)

E-mail: tpmaksimova@mail.ru

Исследуются противоречия влияния формальных и неформальных институтов на трансформационные процессы аграрных отношений, что приводит к появлению институциональных ловушек и их устойчивому характеру в аграрной сфере национальной экономики.

Ключевые слова: трансформационные отношения, аграрные отношения, отношения собственности, частная собственность на землю, трансакционные и трансформационные издержки, неформальные институты, институциональные ловушки.

Диалектика познания сущности и особенностей трансформационных экономических процессов в национальной экономике в последние годы все чаще направлена на смещение доминанты вектора исследования указанной проблемы в сторону изучения влияния институтов на трансформационные процессы, о чем свидетельствуют публикации в ведущих научных и аналитических экономических изданиях, материалы всероссийских и международных конференций по экономическим проблемам российской экономики. Это связано с тем, что гносеологический потенциал институциональных теорий позволяет в условиях неопределенности сконструировать методологический аппарат, позволяющий наиболее полно отражать экономическую действительность, объяснять качественную динамику экономических систем и определять факторы, детерминирующие поведение экономических субъектов.

Данный тренд характерен и для исследования трансформационных процессов в аграрном секторе экономики, который, несмотря на двадцатилетний период преобразований, по-прежнему, представляет собой серьезный клубок противоречий, начиная с противоречий де-юре и де-факто в отношениях собственности и заканчивая неожиданными поворотами в общей траектории целевых преобразований форм хозяйствования, которые являются основными субъектами производства в аграрной сфере и, соответственно, определяют общую эффективность данного сек-

тора национальной экономики¹. Под “неожиданностью” поворотов подразумевается, в частности, несоответствие первоначальных установок реформаторов начала 90-х гг., направленных на преобразование 46 тыс. колхозов и совхозов в рыночные формы хозяйствования. На начальном этапе реформирования основные акторы преобразований обосновывали свои действия неэффективностью крупных форм хозяйствования, а также сложившимися на начало 1990-х гг. производственными отношениями на основе общественной собственности на землю. Представлялось, что данные обстоятельства препятствовали созданию конкурентной среды в аграрном секторе экономики, а также достижению максимальной индивидуальной полезности отдельных крестьянских хозяйств с предпринимательской направленностью. В качестве альтернативы ставка делалась на создание товарных крестьянских (фермерских) хозяйств как доминирующей формы хозяйствования и основного субъекта производства на аграрном рынке путем введения частной собственности на землю.

Однако декларирование частной собственности на землю при отсутствии продуманного инструментария ее реализации привело к достаточно неожиданным результатам (о чем свидетельствуют эмпирические данные). Земельные паи, ставшие главным инструментом в механизме реализации частной собственности на землю, усложнили отношения собственности в аграрной

сфере национальной экономики. Объясняется это, в частности, трудностями общей системы эффективного использования данного инструментария ввиду, например, отсутствия адекватных процессам преобразований институтов межевания, кадастровой оценки, информации и т.д., а также согласованности действий между этими институтами. В итоге многие владельцы земельных паев по истечении двух десятилетий по-прежнему не могут стать полноправными собственниками земли. Так, по последним официальным данным, из общей численности собственников земельных долей на начало 2010 г. только 11 % осуществили государственную регистрацию прав. В натуральном выражении выделено порядка 18 млн. га земель сельскохозяйственного назначения, или чуть более 16 % площади земель, находившихся в общей долевой собственности². То есть, получив право собственности на землю де-юре, новые собственники остаются де-факто виртуальными собственниками. «Виртуальность» права собственности на землю как объект хозяйствования оказывает серьезное влияние на глубинные изменения в системе производственных отношений на селе: такие собственники теряют доверие к формальному институту частной собственности на землю, следствием чего становится снижение мотивации хозяйствования на земле. Крестьяне чувствуют себя обманутыми, не имея возможности реализовать свои права собственности.

Очевидно, что крестьяне в ходе реализации на практике механизма частной собственности на землю попали в так называемую институциональную ловушку (или *institutional trap*, хотя в англоязычной экономической литературе институциональная ловушка используется чаще всего не как *institutional trap*, а как эффект блокировки (*lock-in effect*)), которая, согласно определению Д. Норта, означает, что однажды принятое решение трудно отменить³. Одна из трудностей отмены для исследуемой нами сферы аграрных отношений заключается в самоподдерживающем и необратимом характере созданного института частной собственности на землю, даже если он оказался неэффективным в существующем виде, и в устойчивости формальных норм даже при снятии отдельных внешних ограничений. Аргументировать данное положение можно тем, что за период своего существования формальные нормы опосредованным образом воздействуют

на поведение экономических агентов экономической системы, постепенно внося изменения в трансформацию сознания акторов внутри системы, включая крестьян. Переход в начальное состояние или выход из институциональной ловушки связан с очень высокими издержками трансформации, что и сдерживает какие-либо серьезные преобразования, предопределяя тем самым длительное существование неэффективной нормы; кроме того, выход из институциональной ловушки может сдерживаться такими силами, как государство, влиятельные группы интересов и т.д.

В настоящее время развитию теории институциональных ловушек уделено много внимания и в работах отечественных исследователей. Например, В.М. Полтерович рассматривает понятие институциональная ловушка в качестве неэффективной устойчивой нормы (неэффективного института), формирование и закрепление которой обусловлено эффектами координации, обучения, сопряжения и культурной инерции⁴. В теории аграрных отношений институциональные ловушки, по мнению автора, находятся в самом ядре основ производственных отношений: в механизме реализации частной собственности на землю. Установление частной собственности на землю де-юре без четко прописанного алгоритма механизма ее реализации де-факто привело к виртуализации этого понятия у крестьян и, как следствие, к появлению внутренней неуверенности в возможности реализовать свои законные права собственности на землю.

Анализ исследований по данной проблеме, а также данные выборочных опросов, проводимых автором в сельских районах Оренбургского региона, в отдельных районах Подмосковья, свидетельствуют о том, что еще на начальном этапе преобразований указанные выше факторы, а также информационная закрытость, административные барьеры, высокие трансформационные издержки по реализации права собственности на землю де-факто послужили главными причинами массовой скупки земельных паев у сельских жителей, носителей основных составляющих национального крестьянского ресурса, и концентрации земли у крупных собственников⁵. Тем самым уже на начальном этапе преобразований были заложены противоречивые ориентиры всей последующей траектории эволюции российского крестьянства.

И тем не менее остается часть сельских жителей, которая продолжает надеяться на реализацию своего законного права на землю. Более того, по мере понимания значимости частной собственности на землю де-факто, расширения знающего пространства о механизме реализации прав собственности наблюдается оживление экономического интереса у земельных пайщиков к вопросам реализации своих законных прав. Об этом, например, свидетельствует активизация земельных пайщиков в последние два-три года в Истринском, Рузском, Щелковском и других районах Подмосковья. Регион Подмосковья является одним из наиболее показательных примеров, где процессы трансформации земельной собственности свидетельствуют о несовершенстве формальных институтов по ее реализации, поскольку здесь скупка земли приобрела наиболее массовый характер и проблема редкости земельных ресурсов для организации самостоятельного хозяйства сельскими жителями наиболее ошутима.

Вместе с тем противоречивые изменения в отношениях собственности в аграрной сфере экономики проецируются на содержание и динамику изменения общей системы базовых ценностей общества: в виде переориентации долгосрочной модели поведения на краткосрочную, выраженной в стремлении получить доход, оставляя на втором плане вопросы уникальности и редкости земельных ресурсов, важности сохранения культурного наследия и самобытности сельского уклада жизни. Объяснить изменения модели поведения можно таким образом: в условиях неопределенности и нестабильности следование долгосрочной модели часто сопряжено с природными и производственными рисками, а прибыльные краткосрочные стратегии убеждают экономических агентов отказаться от модели, основанной на долгосрочных интересах. Более того, неудачные попытки крестьян зарегистрировать свое право собственности на землю, трудности получения кредитов, высокая степень давления административного ресурса на местах привели к тому, что в сознании нового молодого поколения краткосрочная модель закладывается уже как базовая, усиливая самоподдерживающийся характер институциональных ловушек в аграрной сфере национальной экономики.

Противоречивый характер отношений собственности повлиял и на распад сложившихся

производственных отношений коллективного ведения хозяйств. Эмпирические наблюдения автора в ходе исследования рассматриваемых процессов свидетельствуют о медленном и неоднозначном характере формирования новых производственных отношений. В отдельных случаях наблюдается открытый конфликт интересов между экономическими агентами, особенно относящихся к разным поколениям. Для сознания большинства сельских жителей старшего поколения устойчивые неформальные ограничения (или правила поведения), сложившиеся за десятилетия коллективного ведения хозяйства, стали частью идеологии нескольких поколений.

Так, под влиянием идеологии коллективного ведения хозяйства массово культивировалось наставничество старших, более опытных работников над молодежью. Например, начиная со старших классов в школе, существовала возможность лично поучаствовать в посевной и уборочных компаниях по посеву и сбору зерновых, овощей и фруктов и тем самым непосредственно прикоснуться к процессу производства, почувствовать себя весомой составной частью единой цельной системы ведения коллективного хозяйства. Примечательно, что сам термин “компания” уже подразумевает коллективные принципы ведения хозяйства. Использование подобных практик способствовало тому, что постепенно идеология общественного интереса становилась частью сознания отдельных индивидуумов. Отсюда одно из объяснений общей природы появления и устойчивости в обществе такого явления, как “передовики производства”, “стахановское движение”, “ударники труда”, когда упорный труд во благо общества становился естественным процессом. Более того, для таких тружеников часто важнее были не материальные стимулы, а моральные. Достаточно любопытно, что слово “надо” было лишено бремени формальных ограничений и условностей и становилось частью внутренней мотивации для активной деятельности.

Старожилы помнят еще одно понятие неформального характера на селе - “помощь”, также имевшего прочные корни на селе и серьезно влияющего на устои коллективного хозяйствования. Смысл данного понятия заключался в коллективной безвозмездной помощи отдельным нуждающимся домохозяйствам, например, при постройке дома или подсобных хозяйственных помещений, заготовке топлива на зиму, уборке картофе-

ля и др. Особенно это было характерно для такой формы коллективного хозяйства, как колхозы, которые, как правило, образовывались на месте сельских поселений, имевших давнюю историю и передававших накопившиеся традиции хозяйствования из поколения в поколение. Позднее практика точечной помощи внутри замкнутой модели организации хозяйства со своей специфической отношений находила свое проявление в так называемых “субботниках”, когда коллективно на добровольных началах решались общие проблемы общественного характера.

Рассмотренные выше явления неформально-го характера, безусловно, отразились на внутреннем ментальном содержании особой философии сознания сельских жителей как фактора устойчивости основных составляющих неформальных институтов. В этой связи дальнейшее развитие может получить методология по теории институционализма Д. Норта в части исследования роли и влияния формальных и неформальных институтов на преобразование форм хозяйствования и на формирование особых производственных отношений в аграрной сфере. Особый интерес при данном подходе имеет исследование влияния неформальных правил, пронизывающих сознание людей, работающих на земле и оказывающих существенное влияние на трансформацию и эволюцию производственных отношений, которые сохраняют в своей основе передаваемые из поколения в поколение принципы коллективного ведения хозяйства, традиции, опыт, устойчивую связь с землей не просто как с ресурсом, но и с объектом хозяйствования.

Существующая концепция институтов и институциональной динамики опирается, прежде всего, на понятия прав собственности, транзакционных издержек, контрактных отношений и групповых интересов и претендует на объяснение самых общих закономерностей развития человеческого общества. Действительно, благодаря освоению экономической наукой этих понятий стало возможно изучение институциональной структуры производства. Однако при преобразованиях в аграрном секторе экономики, по мнению автора, представляется недооцененной роль неформальных институтов. Отчасти это объясняется тем, что в национальной экономике социально-экономические преобразования происходят в условиях противостояния различных противоборствующих сил и заинтересованных групп при од-

новременном ослаблении государственной власти в отношении аграрной сферы и попытках форсированного формирования психологии индивидуализма в аграрном производстве. Кроме того, “даже, когда эффективные права собственности все же устанавливаются, они обычно имеют такие черты, которые затрудняют контроль за их соблюдением”⁶. Это объясняет наличие таких антистимулов, которые провоцируют людей на нарушение обещаний, уклонение от ответственности, обход правовых регламентов, обман и т.д.

Введение отдельных формальных ограничений для потенциальных хозяйствующих субъектов увеличивает трансформационные и транзакционные издержки входных барьеров для экономической деятельности, тем самым сохраняя институциональную нестабильность. В свою очередь, неформальные ограничения и транзакционные издержки - это взаимосвязанные свойства институциональной системы. Например, по утверждению Д. Норта, “действующие традиции упорного труда, честности и сотрудничества не просто снижают транзакционные издержки и делают обмен продуктивным. Такие традиции всегда получают поддержку со стороны идеологий, которые строятся вокруг этих ценностей”⁷. И, соответственно, если реформирование основано на глубоко укоренившихся неформальных ограничениях, это создает благоприятную обстановку для изменения формальных правил и устойчивость политико-экономической системы. И наоборот, оторванность наложения формальных ограничений на сформированные в течение предыдущего исторического периода неформальные институты в российской деревне лишь усилило противоречия в производственных отношениях сельских жителей, которые в основе своей остались и без земельного ресурса, и без существовавших основ коллективных форм организации хозяйства.

В результате происходит формирование ловушки, выход из которой сопровождается, с одной стороны, большими трансформационными издержками по приобретению навыков работы на земле новых земельных собственников, не имевших прежде опыта хозяйствования на земле. С другой стороны, сдерживающим фактором решения данной проблемы становятся издержки сопротивления владельцев земельных паев, которые не согласились отдать или продать свои земельные паи. Парадоксально, но это очевидно: в современных условиях владельцы земельных

паев оказались без поддержки со стороны формальных институтов, которыми введены дополнительные ограничения организационного и временного характера. То есть данные лица остаются один на один со своими проблемами размежевания и фактического выделения принадлежащих им по праву собственности земельных участков, а также проблемой регистрации земельной собственности. Несмотря на уровень развития современных информационных технологий, остается также устойчивый характер роста трансакционных издержек, особенно в вопросах поиска и получения достоверной информации, а также защиты своих прав собственности. В совокупности эти факторы снижают мотивацию сельских жителей к организации новых форм хозяйствования и изначально увеличивают трансформационные издержки по организации новых моделей хозяйствования. Современные прописанные регламенты по реализации права собственности земельных пайщиков не решают в интересах земельных пайщиков рассмотренных проблем, а декларируемые формальными институтами власти регламенты изъятия неиспользованных земель оказывают свое противоречивое влияние на дальнейшую трансформацию института доверия среди сельских жителей.

В качестве примера можно привести перманентный характер осуществления попытки зарегистрировать свое законное право общедолевой собственности на землю порядка 50 земельных пайщиков в бывшей форме хозяйствования совхоза "Российский" Октябрьского района Оренбургской области. По сумме земельных паев на их владельцев приходится около 1000 тыс. га сельскохозяйственных угодий, из них порядка 600 га пашни. Для сравнения: это примерно одна пятая часть от всех земель хозяйства. Примечательно, что фактическим владельцем остальной части площадей является один земельный собственник, купивший земельные паи в данном хозяйстве и единолично определяющий модель ведения хозяйствования на общей земельной территории, включая как скупленные земли, так и земли собственников земельных паев, поскольку они не выделены в фактическом выражении. То есть по факту не определены границы земельных участков основного земельного собственника и пайщиков.

Особенностями подобных моделей хозяйствования с запутанным клубком противоречий отношений собственности является то, что, во-первых,

пока пайщики пытаются преодолеть формальные барьеры по определению границ участков и регистрации прав собственности на них, "основной" собственник использует все земли - и свои, и чужие. Крайний случай, когда земли не используются совсем. Во-вторых, как правило, пайщики не получают доход в форме арендной платы за пользование принадлежащей им на правах собственности земли либо такая арендная плата может принимать натуральную форму без подтверждения эквивалента ее истинного размера. В-третьих, крупные собственники не только определяют модель хозяйствования, но и часто привлекают в качестве наемной рабочей силы более дешевые трудовые ресурсы извне (из других регионов), окончательно подрывая основы российского крестьянства. Как следствие, наблюдается изменение в целом структуры производственных отношений на земле, когда российский крестьянин со своими традициями, обычаями хозяйствования на земле, являющимися составной частью национальной культуры в целом, "выпадает" из этой системы, а его место во вновь созданных крупных хозяйствах занимают мигранты из других регионов со своими особенностями ментального сознания, своей культурой хозяйствования, которая существенным образом отличается от российской.

Подобная модель хозяйствования с запутанным клубком противоречий земельных отношений характерна и для многих других хозяйств, где не удалось осуществить 100 %-ную скупку земель. Многочисленные выборочные интервью и беседы с коренными жителями на селе, особенно со старшим поколением, свидетельствуют о том, что, с одной стороны, формальные ограничения реализации частной собственности на землю достаточно болезненно сказываются на сознании российского крестьянина, который при формальной видимости доступности земельного ресурса на практике "несвободен" в своем выборе, в выборе формы или модели хозяйствования. С другой стороны, расшатываются устойчивые политические институты, так как "когда радикальные изменения в формальных правилах приводят их в противоречия с существующими неформальными ограничениями, между теми и другими возникает непримиримая напряженность, ведущая к длительной политической нестабильности"⁸. То есть такого рода процессы влияют на стабильность всей экономической системы в целом.

Противоречивость и непоследовательность формальных правил приводит также к изменению внутреннего содержания существующих форм хозяйствования. Наиболее наглядно это прослеживается на примере современного крестьянского (фермерского) хозяйства, где очевидны тенденции противоречивости искомого содержания данной модели хозяйствования с его внешней организационной оболочкой. Относится это к тем случаям, когда под формат данной организационной формы подпадают как лица, имеющие, действительно, устойчивую связь с землей, внутренне мотивированные работать на земле на долгосрочную перспективу, являющиеся носителями сельского уклада и т.д., так и те, кто скупил землю с целью максимизации своего дохода любым путем, часто в обход процессов производства. Тем самым форма крестьянского (фермерского) хозяйства утрачивает свое первоначальное внутреннее содержание как субъекта хозяйствования.

Таким образом, очевидным становится то, что одно из объяснений противоречивого характера происходящих в аграрной сфере трансформационных процессов следует отыскивать в дальнейшем исследовании подвижности влияния формальных и неформальных институтов на процессы трансформации производственных отношений в аграрной сфере национальной экономики, на трансформацию внутреннего содержания моделей и форм хозяйствования, а также на диалектику ментальности содержания философии созна-

ния не только сельских жителей, но и основных акторов преобразований в аграрной сфере.

¹ См.: *Афанасьев В.Н., Косарева Т.П. (Максимова Т.П.), Джуламанов А.А.* Устойчивость форм хозяйствования в аграрном секторе экономики при переходе к рыночным отношениям. СПб., 1995; *Максимова Т.П.* Институциональные условия модернизации в аграрной сфере отечественной экономики: ограничения, возможности, перспективы // Тр. Вольного экономического общества России. 2011. Т. 156. С. 190-209; *Ее же.* Институт частной собственности на землю и рыночная трансформация форм хозяйствования в аграрной сфере экономики // Изв. Оренбург. аграр. ун-та. 2012. № 3 (35). С. 170-173.

² Доклад Министерства сельского хозяйства РФ о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения / М-во сельского хозяйства. URL: <http://www.mcx.ru>.

³ *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

⁴ См.: *Полтерович В.М.* Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2; Институциональные ловушки: есть ли выход? // Общество и реформы. М., 2004. URL: <http://ecsocman.hse.ru>.

⁵ См.: *Пашков В.П.* Формы земельной собственности и ее экономическая реализация в сельском хозяйстве. Саратов, 2011; *Шагайда Н.И.* Оборот сельскохозяйственных земель в России. М., 2010.

⁶ *Норт Д.* Указ. соч.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Поступила в редакцию 06.07.2012 г.